

УДК 141:82(47)
ББК 87.3(2)6:83.3

Наталья Юрьевна Грякалова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: natura3@yandex.ru

Бодлеровский след в поэзии А.А. Блока: к типологии опосредованных заимствований

Аннотация. В изучении русского модернизма, в том числе и в аспекте кросскультурных связей, до сих пор открытым остается вопрос о «бодлерианстве» Александра Блока, фигура которого отодвинута на задний план в общем ландшафте «русского бодлерианства» первых двух десятилетий XX века. Своими характерными очертаниями этот феномен обязан, во-первых, яркой плеяде поэтов-переводчиков рубежа веков, во-вторых – «старшим» символистам, прежде всего В. Брюсову, открывателю урбанистической темы в современной лирике в pendant «Парижским картинам» Ш. Бодлера, в-третьих – комплексу «современной чувствительности», по выражению И. Анненского с ощутимым симптомом бодлеровской меланхолии. Подчеркнуто, что включение поэзии Блока в отечественный классический канон осуществлялось ценой «выпрямления» и упрощения траектории его творческого пути, а на компрометирующие влияния «проклятых поэтов» накладывалось табу. Рассматриваются несколько случаев непосредственных корреляций между переводами А.А. Кублицкой-Пиоттух из Бодлера и «Отроческими стихотворениями» Блока. Показано, что наследие французского поэта актуализируется Блоком в период его «декадентского урбанизма» уже через посредство В. Брюсова, но не в последнюю очередь и через новые переводы Анненского, включенные в книгу «Тихие песни», рецензентом которой выступил Блок. Выявлены тематические, метрические и лексические параллели между блоковским стихотворением «В серебре росы трава...» (1906 г.) и бодлеровским «Призраком» в переводе Анненского, а также прослежена трансфигурация бодлеровской топики.

Ключевые слова: модернизм, символизм, русское бодлерианство, рецепция, аллюзия, парафраз

Nataliya Jur'evna Gryakalova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: natura3@yandex.ru

The Baudelaire Trace in the Poetry of A.A. Blok: toward a Typology of Mediated Borrowings

Abstract. In the study of Russian modernism, including the aspect of cross-cultural connections, the question of Alexander Blok's "Baudelaireism" is still open, because his figure is relegated to the background in the general landscape of "Russian Baudelaireism" in the first two decades of the 20th century. This phenomenon owes its characteristic outlines, firstly, to a bright galaxy of poets-translators of the turn of the century, and secondly, to the "senior" symbolists, primarily V. Bryusov, the discoverer of the

urban theme in modern lyrics in the pendant *Tableaux Parisiens* by Ch. Baudelaire, in third, a complex of “modern sensitivity”, in the words of I. Annensky, with a tangible symptom of Baudelaire's melancholy. It's emphasized that the inclusion of Blok's poetry in the Russian classical canon was carried out at the cost of “straightening” and simplifying the trajectory of his creative path, and a taboo was imposed on the compromising influences of the *poètes maudits*. At the same time, Blok's acquaintance with the work of the French poet dates back to his earliest youth: his mother A.A. Kublickaya-Piottuch was one of the first translators of the French Symbolists, and Baudelaire's poetry existed in a family environment right up to parody. The article discusses several cases of direct correlations between her translations from Baudelaire and Blok's *Adolescent Poems*. The legacy of the French poet is actualized by Blok in the period of his “decadent urbanism” through V. Bryusov, but not least, as shown in the article, and through new translations of Annensky, included in the book *Quiet Songs*, reviewed by Blok. The article reveals thematic, metrical and lexical parallels between Blok's poem *Grass in the silver dew...* (1906) and Baudelaire's *Revinant* in Annensky's translation, and traces the transfiguration of Baudelaire's topic.

Key words: modernism, symbolism, Russian Baudelaireism, reception, allusion, paraphrase

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.1.174-186

Особенности рецепции творчества Шарля Бодлера в России на рубеже XIX–XX столетий, или «русское бодлерианство» – тема, научная разработка которой была начата более четверти века назад¹, в последние десятилетия существенно обогатилась благодаря историко-литературным штудиям, архивным и источниковедческим разысканиям². Русская бодлериана пополнилась новыми именами переводчиков, критиков, почитателей французского поэта, предтечи символизма, расширились ее хронологические границы – от 1860-х годов до начала 1930-х, а малоизвестные факты и литературные «сплетения» получили дополнительную интерпретацию в парадигме русского «мифа о Бодлере».

На этом фоне становится актуальным вопрос о месте Александра Блока в литературном ландшафте «русского бодлерианства», поскольку традиционно ему отводится здесь довольно скромная роль³. Данное обстоятельство можно объяснить, во-первых, инерцией советской историографии: включение фигуры Блока-символиста в классический канон осуществлялось ценой «спрямления» и упроще-

¹ См.: Ваннер А. Бодлер в русской литературе конца XIX – начала XX века // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. СПб.: Петро-РИФ, 1993. С. 25–45 [1]; Wanner A. Baudelaire in Russia. Gainesville: Univ. Press of Florida, 1996. 253 p. [2].

² См. особенно: Богомолов Н.А. Из истории русского бодлерианства // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М.: Собрание, 2005. С. 229–239 [3]; Фокин С.Л. Н.Н. Сазонов – первый русский переводчик Шарля Бодлера // Русская литература. 2009. № 3. С. 115–128 [4]; Фокин С.Л. Николай Гумилев и Шарль Бодлер. Статья первая // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 170–187 [5], в составе подборки статей «Шарль Бодлер в России: к 195-летию со дня рождения».

³ В монографии А. Ваннера, например, блоковскому «бодлерианству» уделено всего несколько абзацев в заключительном ее разделе (*Mis*)reading “Baudelaireannes”, где автор, однако, ставит вопрос о «влиянии», в том числе и с отсылкой к концепции Х. Блума (см.: Wanner A. Baudelaire in Russia. P. 192–194), что важно для нашего исследования.

ния траектории его творческого пути, а на «компрометирующие» влияния «проклятых» накладывалось табу. Во-вторых – своего рода рецептивным стереотипом: в спектре кросскультурных влияний, творчески воспринятых Блоком, доминирующей бесспорно признается немецкая традиция (от Гёте и йенских романтиков до Гейне, Ницше и Вагнера), на что, кстати, было указано уже в лекции С.Н. Дурылина «Бодлэр в русском символизме» (1926, ГАХН) – первом опыте историко-литературного анализа феномена⁴.

Современник славной плеяды переводчиков французского *poète maudit*, Блок никогда не пытался конкурировать на этом поле, не принадлежал он ни к восторженным его почитателям, ни к адептам бодлерианства как жизнетворчества. В своем литературном развитии он не то чтобы «пропустил» эпоху открытия «старшими» символистами поэзии Бодлера, но познакомился с ней при иных обстоятельствах – в раннем отрочестве, в лоне литературного быта семьи, представители которой профессионально занимались переводами с разных языков, по большей части с французского. Именно оттуда исходили, по его собственному признанию, одни «из первых острых откровений новой поэзии»⁵. А.А. Кублицкая-Пиоттук, мать будущего поэта, выступала в печати как переводчик французских символистов, а в немногочисленных оригинальных стихотворных опытах эту традицию по-своему адаптировала. Летописец семьи, М.А. Бекетова, обращаясь к первой половине 1890-х годов, свидетельствует о направленности к «бодлерианству» умонастроения и литературных вкусов своей сестры: «Ал. Андр. начала увлекаться Бодлером, в поэзии которого находила отголоски своих тогдашних настроений: стремление к неведомому и нездешнему, мрачный пессимизм и отрицание жизни. Бодлер был тогда ее любимым писателем. Она так сроднилась с его поэзией, что усвоила его манеру и ритм и написала стихи, которые начинаются со строчки, взятой из середины его стихотворения “Moesta et errabunda” из “Цветов зла”. Эту строчку выбрала она и эпиграфом к своим стихам...» [8, с. 305, 306]⁶. Сохранившиеся в архиве артефакты: тетрадка с переписанными четырнадцатилетним юношей стихами французских поэтов (Жана Ришпена, Сюлли-Прюдома, Поля Верлена и др.) и надписью: «Маме. 19 мая 1895 г.»⁷; оформленная ко дню рождения матери 6 марта 1897 года подборка ее переводов в виде вырезок из журналов «Вестник иностранной

⁴ Ср.: «Блок и Белый наименее связаны с *французским* символизмом. Одной из характернейших черт отличия “больших поэтов” символистов, выступивших в начале 900-ых гг., от поэтов, начавших с 90-ых гг., является различие образующих влияний – поскольку Мережковский, Брюсов, Сологуб и в значительной степени Бальмонт начинают под знаком латинской культуры, в частности, французской поэзии, постольку Белый и Блок – *германисты*. Французский символизм для них чужой, Гёте и немецкая романтика – родные» (Дурылин С. Бодлэр в русском символизме / публ. и коммент. Г.В. Нефедьева // Книгоиздательство «Мусaget»: История. Мифы. Результаты: Материалы и исследования. М.: РГГУ, 2014. С. 277 [6]).

⁵ См.: Блок А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 8. С. 219 (письмо к Ф. Сологубу от 2 декабря 1907 г. в ответ на присылку книги переводов Верлена) [7].

⁶ Речь идет о стихотворении «Памяти Бодлера» («Как ты далек, благоуханный рай...», 21 февраля 1896), которое предварял эпиграф: «Comme tu est loin, paradis parfumé» (автограф – в архиве М.А. Бекетовой: РО ИРЛИ. Ф. 462. Ед. хр. 164).

⁷ См.: Блок А.А. Переписанные им в отдельной тетради стихотворения французских поэтов (на франц. яз.) // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 163. 12 л. [9].

литературы», «Мир Божий», газеты «Новое время»⁸; не публиковавшиеся при жизни четыре перевода из Бодлера (в тетради с надписью» «Бодлер»), два из которых («Балкон» и «Полет») переписаны рукой сына⁹, – подтверждают раннее знакомство Блока с французской поэзией второй половины XIX века, в том числе благодаря заинтересованному вниманию к литературной деятельности матери. Из того же мемуарного источника известно, что в апреле 1898 года Александра Андреевна работала над переводом бодлеровского «Альбатроса». К сожалению, никаких его следов в архивах не сохранилось, однако бытовавшая в семейном кругу коллективная пародия на него – «Из Бодлэра» («Посмотри на альбатроса...»)¹⁰ – свидетельство вовлечения иноязычного материала в сферу повседневности, его «одомашнивания», что дополнительно поддерживалось традицией домашнего чтения, сохранявшейся и много позднее¹¹. Тогда же Блок выбирает эпиграфом к стихотворению «Одной тебе, тебе одной...» (весна 1898 г.; впоследствии открывало сборник «Отроческие стихотворения»), обращенному к К.М. Садовской, начальную строку стихотворения Бодлера *Hymne* («Гимн»), сам же текст выстроен как поэтический парафраз:

À la très chère, à la très belle...
Baudelaire

Одной тебе, тебе одной,
Любви и счастья царице,
Тебе прекрасной, молодой
Все жизни лучшие страницы!

Ни верный друг, ни брат, ни мать
Не знают друга, брата, сына,
Одна лишь можешь ты понять
Души неясную кручину.

⁸ См.: Кублицкая-Пиоттх А.А. Французские поэты в ее переводах. Печ. тексты. Оглавление и надпись на конверте рукою А.А. Блока // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 52. 27 л. [10]. При жизни увидели свет шесть стихотворных переводов из Бодлера. См. также: Блок А.А. Списки переводов Е.Г. Бекетовой и А.А. Кублицкой-Пиоттх // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 85 [11].

⁹ См.: Кублицкая-Пиоттх А.А. Ее переводы и переписанные ею стихи А.А. Блока (Два стихотворения рукою А.А. Блока) // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 4. Ед. хр. 9. 45 л. [12]. В настоящее время опубликованы: Французские поэты в переводах А.А. Кублицкой-Пиоттх / сост. В.К. Чехомов. М.: Изд Дом ТОНЧУ, 2010. С. 44–52 [13]; все переводы сопровождаются параллельными текстами на языке оригинала. См. также: Чехомов В.К. Французские поэты в переводах А.А. Кублицкой-Пиоттх // Шахматовский вестник. Вып. 12. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 382–388 [14].

¹⁰ См.: Бекетова М.А. Александр Блок и его мать. С. 281.

¹¹ Ср. характерную деталь в письме Блока к С.М. Соловьеву от 8 марта 1904 г. в связи с публикацией в альманахе «Гриф» перевода Элліса (Л.Л. Кобылинского) из Бодлера («Непокорный»): «Эллис ... Бодлэра совсем не понимает (мама читала мне стихотворения из альманаха по-французски)» (см.: Переписка с С.М. Соловьевым / вступ. ст., публ. и коммент. Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Лит. наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1980. Кн. 1. С. 371 [15]).

Ты, ты одна, о, страсть моя,
Моя любовь, моя царица!
Во тьме ночной душа твоя
Блестит, как дальняя зарница [16, т. 4, с. 7].

Таким образом, юный поэт следовал ближайшему образцу – аналогичный прием, как отмечено выше, был использован Кублицкой-Пиоттух в стихотворении «Памяти Бодлера». Заметим, кстати, что одним из первых переводчиков «Гимна» (сборник *Les épaves* («Обломки», 1866 г.)) был П.Н. Краснов¹², муж старшей из сестер Бекетовых – Екатерины, а оригинальный текст был позднее переписан Кублицкой-Пиоттух в альбом¹³. Ее перевод этого стихотворения неизвестен, но полностью исключить его существование нельзя, поскольку имеется косвенное свидетельство: автограф приведенного выше блоковского стихотворения в рабочей тетради № 1 был сопровожден пометой: «Перевод весны 1898»¹⁴, что может отсылать как к не дошедшему до нас переложению Кублицкой-Пиоттух, так и к опыту собственного перевода, также не оставившему материальных следов. Уточняя сведения, приводимые в комментарии к «Отроческим стихотворениям» в томе 4 академического Полного собрания сочинений и писем Блока, Д.М. Магомедова отмечает, что в стихотворении «Одной тебе, тебе одной...» «точно воспроизводится размер французского источника, а весь текст изобилует бодлеровскими аллюзиями и реминисценциями»¹⁵, которые, добавим, приходят в отроческую лирику Блока опосредованно – через переводы матери, пропущенные сквозь фильтр специфической рецепции – топику и стилистику спиритуальной лирики 1880–1890-х годов с ее «двоemiрием», тоской по «нездешнему», идеализацией женского лирического персонажа и его «возвышенными» номинациями (ср.: «Воспоминаний мать, любви моей царица...» («Балкон» (*Le Balcon*)), «...Божество мое, безгрешных сил Создатель, <...> Сияющей Души бессмертное Светило!» («Заря духовная» (*L'Aube spirituelle*)))¹⁶. В скором времени автор «Стихов о Прекрасной даме» обогатит знакомый ему тезаурус, а в эпистолярном диалоге с Андреем Белым, размышляя о софийной метафизике, вновь вернется к образности «Гимна», но теперь уже к первой строке заключительного катрена – *À la très bonne, à la très belle*. Он переносит акцент с эстетического компонента на этический (от внешнего – к внутреннему), в то же время проблематизируя подобную возможность. Обосновывая «главнейший пункт» своей интуиции о природе Вечно-Женственного, Блок апеллирует к поэтической традиции воплощения данной идеи, в ряду которой неожиданным образом появляется имя французского poète maudit: «Добр Христос, но не Она, потому что

¹² Ср. первую строфу «Гимна» в его переводе: «Ей, дорогой, ей, несравненной, / Ей, льющей в жизнь мне кроткий свет, / Недостижимой, неизменной, / Ей, милой, вечности привет!» (Краснов П. Из западных лириков. СПб.: Изд. книжного магазина «Новостей», 1901. С. 3 [17].

¹³ Кублицкая-Пиоттух А.А. Альбом с записями стихотворений. 1904–1913 // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 7. Ед. хр. 2. Л. 10 об. -11 [18].

¹⁴ См.: Блок А.А. Полное собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 2, 4, 7. М.: Наука, 1997–2003. Т. 4. С. 398.

¹⁵ См.: Магомедова Д.М. Комментируя Блока. М.: [РГГУ], 2004. С. 30 [19].

¹⁶ См.: Французские поэты в переводах А.А. Кублицкой-Пиоттух / сост. В.К. Чехомов. С. 44, 50.

Она – Окончательна. Совесть же в отношении к Ней явилась бы мерилом Добра. Она, если Добра, то лишь в эстетических воплощениях (у поэтов), напр<имер>, у Фета (Пой, *добрая*), как у Бодлэра (*A la très-bonne*)» [20, с. 70]. К общепринятой атрибуции последней цитаты¹⁷ следует добавить перевод стихотворения Бодлера *Que diras-tu ce soir, pauvre ame solitaire...*¹⁸, выполненный Кублицкой-Пиоттух, но не доведенный до печати, причем переводчица в свойственной ей манере последовательно сохранила форму сонета, присущую оригиналу:

Ты, одинокая, увядшая душа,
В вечерний поздний час что скажешь ты далекой,
Что так была добра, приветна, хороша,
И чей небесный взор светил тебе высоко?

Я, гордая, хвалы ей буду воспевать, –
В нетленной красоте небес благоуханье,
И кротость в ней и мощь слились повелевать.
Куда ни кинешь взор – все свет и ликование.

И в одиночестве, и в темноте ночной,
И днем на улице, в толпе неутомной,
Ее видение, как светоч предо мной.

Звучат ее слова: «За мною неуклонно,
Люби меня, живи одною Красотой,
Хранитель Ангел я, и Муза, и Мадонна» [13, с. 52].

Приведенный текст может служить ключом к дешифровке достаточно герметичного эпистолярного фрагмента. И он же замечательно иллюстрирует линию литературных влияний, в том числе опосредованных, воспринятых Блоком в пору становления его поэтического дарования.

В период «антитезы» Блок откроет для себя «другого» Бодлера, поэта современного города, его пороков и страстей¹⁹. Этому «узнаванию» он будет обязан прежде всего В. Брюсову, истинному бодлерианцу, внесшему в отечественную лирику рубежа веков урбанистическую тему в pendant фантазмам и аллегориям «Парижских картин». Новыми были и образ урбанизированной женщины, и мотив «случайной встречи» с «прохожей», повлиявшие на весь комплекс трансформаций блоковской Прекрасной Дамы в Незнакомку, Ночную Фиалку, «Вольную

¹⁷ См.: Дурьин С. Бодлэр в русском символизме. С. 277; Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. С. 77 [20].

¹⁸ Его 3-й стих *À la très belle, à la très bonne, à la très cher* лексически близок 1-му стиху «Гимна».

¹⁹ См. некоторые новые аспекты трактовки темы: Баньянин М. Бодлеровское эхо в городской поэзии Блока // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. С.142–162 [21]; Эберт К. Блуждания по городу. Бодлеровский фланёр в интерпретации Блока // Шахматовский вестник. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 226–238 [22].

деву в огненном плаще» (ср. многочисленные демонические перверсии Ее в цикле «Город») ²⁰. Данный вектор литературной эволюции был проявлением «кризиса репрезентации» возвышенного, на что в свое время, расставаясь с романтизмом, ответил Бодлер своим открытием «поэтической современности» (*la modernité poétique*). Намеченный в ранней лирике Блока мотив мертвой (спящей) царевны / невесты – метафора расколдовывания мира, воскрешения красоты – теперь, обретая обертоны некроман(т)ии, брутального обладания, вампиризма, прочитывается под знаком Эроса и Танатоса («Жду я смерти близ денницы...», «Я живу в глубоком покое...», «Вот он – ряд гробовых ступеней...», «Гроб невесты легкой тканью...» (все – 1904 г.) и др.).

Эта линия трансляции бодлеровской топики в основных своих параметрах отрефлексирована, чего нельзя сказать о другом ее источнике – стихотворных переводах И. Анненского: под названием «Парнасцы и проклятые» они были включены в его дебютный поэтический сборник «Тихие песни» (1904 г.), изданный под криптонимом Ник. Т-о. Попыток установить какие-либо интертекстуальные связи (на уровне аллюзий, реминисценций, скрытых и явных цитат и т.д.) между поэзией Блока и этой частью наследия Анненского, насколько нам известно, до сих пор не предпринималось. При этом следует учитывать, что избранная Анненским стратегия перевода, по общему признанию, коррелирует с методом его литературной критики: переводы «являются своего рода “отражениями” впечатления, полученного поэтом при чтении иноязычного произведения» ²¹. Еще более тесно они связаны с его поэтическим идиостилем. Ситуацию, типичную для вольных переводов Анненского, другой современный исследователь характеризует такими особенностями: «... общая поэтизация лексики и усложнение и “зашифровывание” образов, ... обязательные отклонения в сторону ключевых образов русского поэта, благодаря которым переводимые им столь разнообразные поэты становятся частью уже не просто загадочного единства “парнасцев и проклятых”, а более обширного пространства “ничьих” 29 стихов, которые очевидным образом принадлежат перу самого “Ник. Т-о”» [24, с. 30] ²². В свою очередь, следы переводческой практики ощутимы в его собственном творчестве: переведенные стихи (в данном случае «парнасцев и проклятых») выступают в роли семантической матрицы последующего текстурального воспроизводства – цитирования и автоцитирования как в оригинальных стихотворениях, так и в критических эссе. Таким образом, перед нами сложный

²⁰ Об этих мотивах см.: Ioffe, Dennis. “The Discourses of Love”: Some Observations Regarding Charles Baudelaire in the Context of Brjusov’s and Blok’s Vision of the “Urban Woman” // Russian Literature. 2008. Vol. LXIV. 1. P. 19–46 [23].

²¹ См.: Ваннер А. Бодлер в русской литературе конца XIX – начала XX века // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. С. 37.

²² См. также раздел «Анненский – переводчик Бодлера» в монографии: Vinogradova de La Fortelle A. Les aventures du sujet poétique. Le symbolisme russe face à la poésie française: complicité ou opposition? Aix-en-Provence: Publ. de l’Université de Provence, 2010. 249 p. [25], и в ее реферативном изложении: Алёхина Н.М. И.Ф. Анненский – переводчик Ш. Бодлера в современном французском литературоведении (по материалам исследования Анастасии Виноградовой де Ля Фортель «Приключения поэтического субъекта. Русский символизм по отношению к французской поэзии: соучастие или сопротивление?») // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 384. С. 6–9 [26].

случай текстуальной интерференции между «продуктами» разных видов литературного творчества: поэзией, переводом, критикой. Принимая во внимание эту взаимообращенность текста и претекста и оставляя на будущее более детальный анализ межтекстовых корреляций на линии Блок–Анненский–Бодлер, рассмотрим здесь только один пример текстуальных опосредований.

Во 2-м томе академического Полного собрания сочинений Блока не прокомментирован выразительный тематический, метрический и лексический параллелизм между блоковским стихотворением «В серебре росы трава...» (декабрь 1906 г.) и той версией бодлеровского *Le revenant* («Привидение»), которая представлена в вольном переложении Анненского. Внимание Блока к тексту Анненского могло быть особенно заинтересованным, поскольку Кублицкой-Пиоттух принадлежал перевод того же сонета Бодлера, получившего у нее, в соответствии со стилистикой спиритуальной лирики, заглавие «С того света» («Подобно ангелу с орлиными очами...»)²³.

И Анненский, и Блок ориентируются на топику романтической баллады – мотив «любовь мертвеца», в эпоху модерна неудержимо превращавшийся в штамп. В обоих случаях лирическое повествование ведется от первого лица (как, впрочем, и в претексте): «я» ролевой лирики не тождественно авторскому, его функция – в открытии «другого» в самом себе, оборотной, негативной стороны «я». Персонаж Анненского / Бодлера – призрак (ревенант), вернувшийся из загробного мира, чтобы утолить свое губительное эротическое влечение. В блоковском тексте ситуация иная: лирический персонаж, одержимый страстью к умершей возлюбленной, выступает под маской некроманта, и текст стилизован соответствующим образом, с ориентацией на магические жанры фольклора (ср. заглавие «Заклинание» в первоначальной редакции). Общая для обоих поэтов топка мортальности поддержана лексемами со значением холода, темноты, призрачности, которыми буквально «прошиты» тексты и Блока, и Анненского, а также хтоническим образом змеи, смыслообразующим для блоковской лирики периода «антитезы». Это наиболее яркий пуант интертекстуальной корреляции, дополнительно усиленный тождественностью рифмующихся слов: «Руки белые твои – / Две холодные змеи» (Блок): «Руки нежные твои – / В кольца цепкие змеи» (Анненский). Оба поэта используют четырехстопный ямб, один из самых распространенных размеров в русском стихосложении. При этом у Анненского чередуются мужские и женские окончания, что тоже обычно, у Блока же – все мужские, что встречается гораздо реже (и что в данном случае отвечает художественному заданию). Различна и строфика: Анненский, следуя оригиналу, выбрал сонет, Блок, не связанный источником, – трехстишия на одну рифму (ААА). Для наглядности сравнения приводим два текста, блоковский – в редакции 1908 года, где он имел заглавие, отдельные лексические варианты и заключительную строфу, которая усиливала общую «декадентскую» тональность стихотворения, – от нее поэт впоследствии отказался²⁴.

²³ См.: Французские поэты в переводах А.А. Кублицкой-Пиоттух. С. 38.

²⁴ См.: Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 2. С. 90–91.

А. Блок.

Заклинание

Под луной в росе трава.
Холодна ты, не жива.
Слышишь нежные слова?

Я склонился. Улыбнись.
Я прошу тебя: очнись.
Уклонился месяц в высь.

Вдалеке поют ручьи.
Руки белые твои –
Две холодные змеи.

Шевельни смолистый знак.
Ты открой твой мертвый знак.
Ты подай мне тихий знак.

Обойми змеей-рукой,
Волю мне твою открой:
Буду мертвым я с тобой²⁵.

И. Анненский.

Привидение

Ядом взора золотого
Отравлю я сон алькова,
Над тобой немую тьму
Я крылами разойму.

Черным косам в час свиданья –
Холод лунного лобзанья,
Руки нежные твои –
В кольца цепкие змеи.

А заря зазеленеет,
Ложь ласк обледенеет,
Где твой мертвый гость лежал,

И, еще полна любовью,
Прислоненный к изголовью
Ты увидишь там – кинжал
[27, с. 236–237]²⁶.

Блок познакомился с переводами Анненского в июле 1905 года, получив из журнала «Вопросы жизни» сборник «Тихие песни» на отзыв. Отправляя в редакцию очередную порцию заказных рецензий, Блок отметил в письме к Г.И. Чулкову от 19 июля 1905 года: «Ужасно мне понравились “Тихие песни” Ник. Т-о. В рецензии старался быть как можно суше; но, мне кажется, это настоящий поэт, и новизна многого меня поразила» [7, с. 132]. Из-за издательских перипетий рецензия вышла в другом издании и только в марте 1906 года. Смысловым центром своего критического эссе Блок сделал усмотренное им в книге противопоставление *новизны* (впечатлений, ощущений, символов) и унаследованных от эпохи декаданса излишеств («обманчивая приторность ... слов»): «это декадентство и засоряет сразу глаза пылью “эмалевых минут” и “черных зал”»²⁷. Сам факт анонимности становится поводом к размышлению о глубинной скрытности подлинного «я» автора: «... чувству-

²⁵ Приводится по первой публикации: Новый журнал для всех. 1909. № 14. Декабрь. Стб. 5–6. В первоначальном черновом наброске (декабрь 1906 г.) вместо «змеиною» мотива варьировался мотив кос: «Под мерцаньем бледных рос / Странен холод тяжких кос; Здесь – мерцанье бледных рос, / Здесь – тяжелый холод кос» [16, т. 2, с. 379].

²⁶ По мнению А. Ваннера, данная версия стихотворения Бодлера «так далека от оригинала, что его почти нельзя узнать» [1, с. 38]. Ближе к первоисточнику перевод В. Брюсова («Привидение» («Я, как ангел со взором суровым...»)).

²⁷ См.: Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 7. С. 192.

ется человеческая душа, убитая непосильной тоской, дикая, одинокая и скрытная», она «как бы прячет себя от самой себя, переживает свои чистые ощущения в угаре декадентских форм»²⁸.

Следует признать проницательность блоковской интуиции: наблюдения и догадки удивительным образом совпадают с пассажами программной статьи Анненского «Что такое поэзия?» (впервые: Аполлон. 1911. № 6), которая должна была предварять его первую книгу стихов, т.е. являлась опытом автометаописания, как и представленная здесь же интерпретация бодлеровского «Сплина», осуществленная под знаком «ассоциативного символизма»: «Я не знаю, о чем думаете вы, читатель, перечитывая этот сонет. Для меня он подслушан поэтом в осенней капели. <...> Сонет Бодлера есть отзвук души поэта на ту печаль бытия, которая открывает в капели другую, созвучную себе мистическую печаль. Символы четырнадцати строк Бодлера – это как бы маски или наскоро брошенные одежды, под которыми мелькает тоскующая душа поэта, и желая, и боясь быть разгаданной, ища единения со всем миром и вместе с тем невольно тоскуя о своем потревоженном одиночестве» [28, с. 203, 204]. Приведенный Анненским художественно обработанный подстрочник «Сплина» в сопоставлении со стихотворным переводом – яркая иллюстрация удаленности последнего как от оригинального текста, его поэтологической и смыслопорождающей матрицы, так и от категорий французского литературного модернизма, зачинателем которого Бодлер являлся. Анненский создает меланхолическую импровизацию на тему тотального одиночества, оперируя утратившими к середине 1900-х годов свой мифопоэтический ресурс метафорами мира-темницы, «пустого неба», полностью редуцируя бодлеровскую мифологию поэта-парии, загнанного на чердак парижского предместья, как и весь эпатирующий кладбищенский антураж. Не потому ли этот перевод показался Блоку-рецензенту «бледным»²⁹?

Очередной репликой в опосредованном диалоге Блока с «бодлерианством» (опять же через Анненского) станет цикл «Ямбы», где тема современного города приобретет ярко выраженные социальные коннотации. В блоковской версии гражданской поэзии Некрасов встретится с Бодлером, что отнюдь не противоречило логике поэтического развития, напротив, выступало катализатором инновационных процессов в литературной урбанистике XX века.

Список литературы

1. Ваннер А. Бодлер в русской литературе конца XIX – начала XX века // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. СПб.: Петро-РИФ, 1993. С. 25–45.
2. Wanner, Adrian. Baudelaire in Russia. Gainesville: Univ. Press of Florida, 1996. 253 p.
3. Богомолов Н.А. Из истории русского бодлерианства // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М.: Собрание, 2005. С. 229–239.

²⁸ См.: Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 7. С. 192.

²⁹ Ср.: «Следует отметить способность переводчика вселяться в душу разнообразных переживаний, – но рядом с этим бледность иных переводов (например, бодлеровского “Spleen” (“Quand le ciel bas et lourd...”))...» [16, т. 7, с. 192].

4. Фокин С.Л. Н.Н. Сазонов – первый русский переводчик Шарля Бодлера // Русская литература. 2009. № 3. С. 115–128.
5. Фокин С.Л. Николай Гумилев и Шарль Бодлер. Статья первая // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 170–187.
6. Дурыйлин С. Бодлэр в русском символизме / публ. и коммент. Г.В. Нефедьева // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: Материалы и исследования. М.: РГГУ, 2014. С. 261–327.
7. Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8: Письма. 1898–1921. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. 773 с.
8. Бекетова М.А. Александр Блок и его мать // Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. М.: Правда, 1990. С. 205–346.
9. Блок А.А. Переписанные им в отдельной тетради стихотворения французских поэтов (на франц. яз.) // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 163. 12 л.
10. Кублицкая-Пиоттух А.А. Французские поэты в ее переводах. Печ. тексты. Оглавление и надпись на конверте рукою А.А. Блока // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 52. 27 л.
11. Блок А.А. Списки переводов Е.Г. Бекетовой и А.А. Кублицкой-Пиоттух // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 85. <1 л.>.
12. Кублицкая-Пиоттух А.А. Ее переводы и переписанные ею стихи А.А. Блока (Два стихотворения рукою А.А. Блока) // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 4. Ед. хр. 9. 45 л.
13. Французские поэты в переводах А.А. Кублицкой-Пиоттух / сост. В.К. Чехомов. М.: Изд. Дом ТОНЧУ, 2010. 136 с.
14. Чехомов В.К. Французские поэты в переводах А.А. Кублицкой-Пиоттух // Шахматовский вестник. Вып. 12. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 38–388.
15. Переписка [А.А. Блока] с С.М. Соловьёвым / Вступ. статья, публ. и коммент. Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Лит. наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1980. Кн. 1. С. 308–407.
16. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 2, 4, 7. М.: Наука, 1997–2003.
17. Краснов Пл. Из западных лириков. СПб.: Изд. книжного магазина «Новостей», 1901. 210 с.
18. Кублицкая-Пиоттух А.А. Альбом с записями стихотворений. 1904–1913 // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 7. Ед. хр. 2. 32 л.
19. Магомедова Д.М. Комментируя Блока. М.: [РГГУ], 2004. 111 с.
20. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
21. Баньянин М. Бодлеровское эхо в городской поэзии Блока // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб.: Изд-во. «Пушкинский Дом», 2011. С. 142–162.
22. Эберт К. Блуждания по городу. Бодлеровский фланёр в интерпретации Блока // Шахматовский вестник. Вып. 13. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 226–238.
23. Ioffe, Dennis. “The Discourses of Love”: Some Observations Regarding Charles Baudelaire in the Context of Brjusov’s and Blok’s Vision of the “Urban Woman” // Russian Literature. 2008. Vol. LXIV. 1. P. 19–46.
24. Островская Е.С. Французские поэты в рецепции И. Анненского. III. Леконт де Лиль // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2005. № 5. С. 22–36.
25. Vinogradova de La Fortelle A. Les aventures du sujet poétique. Le symbolisme russe face à la poésie française: complicité ou opposition? Aix-en-Provence: Publ. de l’Université de Provence, 2010. 249 p.
26. Алёхина Н.М. И.Ф. Анненский – переводчик Ш. Бодлера в современном французском литературоведении (по материалам исследования Анастасии Виноградовой де ля Фортель «Приключения поэтического субъекта. Русский символизм по отношению к французской поэзии: участие или сопротивление?») // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 384. С. 5–10.
27. Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. писатель, 1990. 640 с.
28. Анненский И. Книги отражений. М.: Наука, 1979. 680 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 8: Pis'ma* [Complete works in 8 vol., vol. 8: Letters]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 1963. 773 p.
2. Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 2, 4, 7* [Complete works and letters in 20 vol., vol. 2, 4, 7]. Moscow: Nauka, 1997–2003.

Individual works

3. *Andrey Belyy i Aleksandr Blok. Perepiska. 1903–1919* [Correspondence. 1903–1919]. Moscow: Progress-Pleyada, 2001. 608 p.
4. Annenskiy, I. *Stikhotvoreniya i tragedii* [Poems and Tragedies]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1990. 640 p.
5. Annenskiy, I. *Knigi otrazheniy* [The Books of Reflections]. Moscow: Nauka, 1979. 680 p.
6. Beketova, M.A. *Aleksandr Blok i ego mat'* [Aleksander Blok and his mother], in Beketova, M.A. *Vospominaniya ob Aleksandre Bloke* [Memories about Aleksander Blok]. Moscow: Pravda, 1990, pp. 205–346.
7. Blok, A.A. *Perepisannye im v otdel'noy tetradi stikhotvoreniya frantsuzskikh poetov (na frants. yaz.)* [The poems of French poets copied by him in a separate notebook (in French)], in *Manuscripts Dept. of IRLI*. F. 654. Op. 1. N 163. 12 p.
8. Blok, A.A. *Spiski perevodov E.G. Beketovoy i A.A. Kublitskoy-Piottukh* [Lists of translations by E.G. Beketova and A.A. Kublitskaya-Piottuch], in *Manuscripts Dept. of IRLI*. F. 654. Op. 3. N 85. <1 p.>
9. Chekhomov, V.K. (ed.) *Frantsuzskie poety v perevodakh A.A. Kublitskoy-Piottukh* [French poets in translations by A.A. Kublitskaya-Piottuch]. Moscow: Izdatel'skiy Dom TONChU, 2010. 136 p.
10. Kotrelev, N.V., Lavrov, A.V. (ed.) *Perepiska A.A. Bloka s S.M. Solov'evym* [Correspondence between A.A. Blok and S.M. Solovyov], in *Lit. nasledstvo*, vol. 92. Moscow: Nauka, 1980, book 1, pp. 308–407.
11. Krasnov, Pl. *Iz zapadnykh lirikov* [From Western lyricists]. Saint-Petersburg: Izdanie knizhnogo magazina «Novostey», 1901. 210 p.
12. Kublitskaya-Piottukh, A.A. *Frantsuzskie poety v ee perevodakh. Oglavlenie i nadpis' na konverte rukoyu A.A. Bloka* [French poets in her translations. Table of contents and inscription on the envelope by A.A. Blok], in *Manuscripts Dept. of IRLI*. F. 654. Op. 3. N 52. 27 p.
13. Kublitskaya-Piottukh, A.A. *Ee perevody i perepisannye eyu stikhi A.A. Bloka (Dva stikhotvoreniya rukoyu A.A. Bloka)* [Her translations and the Blok's poems rewriting by her (Two poems by Blok's hand)], in *Manuscripts Dept. of IRLI*. F. 654. Op. 4. N 9. 45 p.
14. Kublitskaya-Piottukh, A.A. *Al'bom s zapisyami stikhotvoreniy* [Album of poems], in *Manuscripts Dept. of IRLI*. F. 654. Op. 7. N 2. 32 p.

(Articles from Scientific Journals)

15. Alekhina, N.M. I.F. Annenskiy – perevodchik Sh. Bodlera v sovremennom frantsuzskom literaturovedenii (po materialam issledovaniya Anastasii Vinogradovoy de Lya Fortel' «Priklucheniya poeticheskogo sub'ekta. Russkiy simbolizm po otnosheniyu k frantsuzskoy poezii: souchastie ili soprotivlenie?») [I.F. Annenskiy as a translator of Ch. Baudelaire in modern French literary criticism (based on the study of A. Vinogradova de La Fortelle “Les aventures du sujet poétique. Le symbolisme russe face à la poésie française: complicité ou opposition?”], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 384, pp. 5–10.

16. Fokin, S.L. N.N. Sazonov – pervyy russkiy perevodchik Sharlya Bodlera [N.N. Sazonov – the first Russian translator of Charles Baudelaire], in *Russkaya literatura*, 2009, no. 3, pp. 115–128.

17. Fokin, S.L. Nikolay Gumilev i Sharl' Bodler. Stat'ya pervaya [Nikolai Gumilyov and Charles Baudelaire. Article one], in *Solov'yevskie issledovaniya*, 2016, issue 1(49), pp. 170–187.

18. Ioffe, D. “The Discourses of Love”: Some Observations Regarding Charles Baudelaire in the Context of Brjusov's and Blok's Vision of the “Urban Woman”, in *Russian Literature*, 2008, vol. LXIV, no. 1, pp. 19–46.

19. Ostrovskaya, E.S. Frantsuzskie poety v retseptsii I. Annenskogo. Sh. Lekont de Lil' [French poets at the reception of I. Annensky. C. Lecomte de Lisle], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2005, no. 5, pp. 22–36.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

20. Ban'yanin, M. Bodlerovskoe ekho v gorodskoy poezii Bloka [Baudelaire echo in Blok's urban poetry], in *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy* [Aleksander Blok. Researches and materials]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2011, pp. 142–162.

21. Bogomolov, N.A. Iz istorii russkogo bodlerianstva [From the History of Russian Baudelaireism], in *Vestnik istorii, literatury, iskusstva. T. 1* [Bulletin of history, literature, art. Vol. 1]. Moscow: Sobranie, 2005, pp. 229–239.

22. Chekhomov, V.K. Frantsuzskie poety v perevodakh A.A. Kublitskoy-Piottukh [French poets in translations by A.A. Kublickaya-Piottuch], in *Shakhmatovskiy vestnik*, vol. 12. Moscow: IMLI RAN, 2011, pp. 382–388.

23. Durylin, S. Bodler v russkom simvolizme [Baudelaire in Russian symbolism], in *Knigoizdatel'stvo «Musaget»: Istoriya. Mify. Rezul'taty: Materialy i issledovaniya* [Musaget Publishing House: History. Myths. Results: Materials and researches]. Moscow: RGGU, 2014, pp. 261–327.

24. Ebert, K. Bluzhdaniya po gorodu. Bodlerovskiy flaner v interpretatsii Bloka [Wanderings around the City. Baudelaire flâneur in interpretation by Blok], in *Shakhmatovskiy vestnik*, issue 13. Moscow: IMLI RAN, 2013, pp. 226–238.

25. Vanner, A. Bodler v russkoy literature kontsa XIX – nachala XX veka [Baudelaire in Russian Literature of the Late 19th –Early 20th Centuries], in *Russkaya literatura XX veka: Issledovaniya amerikanskikh uchenykh* [Russian Literature of the 20th Century: Research by American Scholars]. Saint-Petersburg: Petro-RIF, 1993, pp. 25–45.

(Monographs)

26. Magomedova, D.M. *Kommentiruya Bloka* [Commenting on Blok]. Moscow: RGGU, 2004. 111 p.

27. Vinogradova de La Fortelle A. *Les aventures du sujet poétique. Le symbolisme russe face à la poésie française: complicité ou opposition?* Aix-en-Provence: Publ. de l'Université de Provence, 2010. 249 p.

28. Wanner, A. *Baudelaire in Russia*. Gainesville: Univ. Press of Florida, 1996. 253 p.